

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В РЕАЛИЯХ ЗАКРЫТЫХ АТОМНЫХ ГОРОДОВ 1990-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ УРАЛА)

**BINARY OPPOSITION «INSIDER —
OUTSIDER» IN THE REALITIES
OF CLOSED NUCLEAR TOWNS
IN THE 1990S (EVIDENCE FROM
CLOSED ADMINISTRATIVE
TERRITORIAL ENTITIES
OF THE URAL)**

A. Konstantinova

Summary. The article presents a retrospective analysis of changes in the social structure of closed administrative territorial entities (CATEs) of the Ural in the 1990s in terms of differentiation in categorical opposition between «insiders» and «outsiders». The principles of historicism and objectivity were dominating in the study as the topic supposes historical reconstruction of social processes. The chosen research perspective helped to show that the social structure of the Ural CATEs retained weak differentiation during the period of active social transformations of the 1990s.

Keywords: social structure, social transformations, binary opposition «insider — outsider», closed administrative territorial entity (CATE)..

Константинова Альфия Гумаровна

К.и.н., н.с., Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
(г. Екатеринбург); доцент,
Технологический институт — филиал ФГАОУ
ВО «Национальный исследовательский ядерный
университет «Московский инженерно-физический
институт»» (г. Лесной, Свердловская область)
alfjasharafullina@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ изменений социальной структуры закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) Урала в 1990-е гг. в ракурсе дифференциации по оппозиционным категориям «своих» и «чужих». Поскольку тема исследования предполагает историческую реконструкцию социальных процессов, доминирующими стали принципы историзма и объективности. Выбранный ракурс исследования позволил показать, что социальная структура атомных ЗАТО Урала сохранила слабую дифференцированность в период активных общественных трансформаций 1990-х гг.

Ключевые слова: социальная структура, общественные трансформации, бинарная оппозиция «свой — чужой», закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО).

В романе «Поселок» (1940 г.) Уильяма Фолкнера высказана мысль о том, что чужак может стать «своим», прожив среди местных жителей полвека. Использование временного критерия как основного признака включенности в определенное сообщество — «принадлежности» — является вполне очевидным. Однако можно ли быть уверенными в том, что время — адекватный и единственный критерий в выделении оппозиционной пары «свой — чужой», особенно если речь идет о противоречивых 1990-х гг. и закрытых атомных городах, где исходные части будущего местного общества были искусственно сведены воедино в советскую эпоху?

Попытка получения ответа на поставленный вопрос предполагает решение нескольких задач.

Первоначально необходимо определить критерии выделения оппозиционной пары «свой — чужой».

Во-вторых, зафиксировав объектом изучения сообщество жителей закрытого атомного города, мы должны будем выделить особенности этого социума, поскольку возникает предположение, что отношения в рамках бинарной оппозиции «свой — чужой» в других населенных пунктах могут быть иными.

В-третьих, в соответствии с методологией восхождения от абстрактного к конкретному мы осуществим описание социальных процессов вплоть до 1990-х гг. включительно, приведших к трансформации в сознании жителей атомградов семантических универсалий «свой» и «чужой».

Таблица 1. ЗАТО, находящиеся в ведении ГК «Росатом»

Название ЗАТО	Субъект РФ	Год основания	Специфика деятельности градообразующего предприятия	Численность населения, человек (на 01.01.2019)
Железногорск	Красноярский край	1950	производство плутония, транспортировка, хранение и переработка отработавшего ядерного топлива	83857
Заречный	Пензенская область	1958	сборка ядерных боеприпасов, других типов высокотехнологичного оружия и электроники	65156
Зеленогорск	Красноярский край	1956	выпуск стабильных и радиоактивных изотопов	61915
Лесной	Свердловская область	1947	электромагнитное разделение изотопов	49054
Новоуральск	Свердловская область	1941	производство обогащенного урана	80723
Озерск	Челябинская область	1945	переработка и хранение облученного ядерного топлива и радиоактивных отходов, производство плутония	79069
Саров	Нижегородская область	1691	разработка ядерного оружия	95065
Северск	Томская область	1949	получение обогащенного урана, производство плутония, разделение изотопов	107498
Снежинск	Челябинская область	1957	разработка ядерных боеприпасов	51843
Трехгорный	Челябинская область	1952	производство ядерных боеприпасов	32613

Оппозиционная пара «свой — чужой» не раз рассматривалась в работах различных авторов — от Фердинанда Тенниса до современных исследователей [4; 5; 9; 10; 13; 16]. Делая попытки определить признаки «своего» (и тем самым противопоставить его чужаку), социологи и психологи акцентируют внимание преимущественно на усвоенных ментальных конструкциях и механизмах социализации, этнологи — на внешних признаках принадлежности к определенным формам социальной организации, а антропологов в первую очередь интересуют генетическая близость.

Чтобы рассмотреть признаки «своего» через призму многих критериев, будем придерживаться позиции, заданной Ю.М. Плюсниным. Итак, «свой»: 1) длительное время живет в местном обществе (конкретный временной диапазон исследователь не называет, однако отмечает, что «нигде срок не ограничивается несколькими годами»); 2) регулярно вступает с членами этого общества в персональные взаимодействия (при этом такой контакт нередко осуществляется на принципах взаимопомощи); 3) «обладает некоторым локальным набором привилегий, невозможных для любых случайных обитателей данной территории»; 4) является носителем «общинной воли» как осознания своей принадлежности к сообществу и ее репрезентации, выраженной в установках, ценностях и ментальных конструкциях [9, с. 64–65].

Таким образом, мы имеем набор признаков, различных по своей природе (социологических, психологических), необходимый для различения «своих» и «чужих». При этом статус «своего» может быть довольно четко определен, а чужака — не иметь ясных очертаний, поскольку рубеж между двумя этими категориями преодолим. Нельзя с уверенностью сказать, получит ли «чужой» поддержку в местном обществе, как будет взаимодействовать с его членами — как представитель своего общества или как будущий «свой» [9, с. 69].

Для конкретизации своеобразия существования дихотомии «свой — чужой» на территории закрытых атомных городов, определим особенности этих специфических населенных пунктов.

Закрытые атомные города, в большинстве своем возникшие после Великой Отечественной войны, стали уникальным явлением советской и российской действительности. Понятие «закрытый атомный город» включает в себя две основные характеристики таких административно-территориальных единиц — закрытость и принадлежность к ядерному оружейному комплексу. Первая подразумевает физическую изоляцию и установление особого режима безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающего специальные условия проживания граждан. Вторая — размещение на территории атомградов научно-иссле-

довательских институтов, занимающихся разработкой ядерного оружия, а также предприятий по получению делящихся материалов и серийному изготовлению боеприпасов.

На сегодняшний день насчитывается 10 населенных пунктов, находящихся в ведении Государственной корпорации (ГК) по атомной энергии «Росатом» и имеющих юридический статус «закрытого административно-территориального образования» (ЗАТО) согласно Закону Российской Федерации от 14 июля 1992 г. (см. Таблица 1).

Как видно из таблицы, 5 из 10 ЗАТО ГК «Росатом» расположены в Уральском регионе: Озерск, Снежинск, Трехгорный — в Челябинской области; Лесной и Новоуральск¹ — в Свердловской. Эти города существенно отличаются друг от друга как по численности населения, так и по решаемым задачам. Следовательно, рассмотрение их совокупности является целесообразным для понимания социальных процессов, происходивших на территории российских атомградов.

Одним из важнейших факторов, определивших формирование социальной структуры атомградов, стал особый порядок подбора кадров. Поиск специалистов осуществляли практически по всей стране через партийные органы совместно с Первым главным управлением при Совете Народных Комиссаров СССР. Тремя основными способами направления будущих работников на объекты были: 1) путевка или направление, выдаваемое обкомом партии, вузом; 2) перевод наиболее квалифицированных работников оборонных и иных предприятий; 3) личное заявление, подаваемое в основном жителями близлежащих населенных пунктов и солдатами военно-строительных батальонов. Так, в частности, в Лесной первым способом прибыло 51,5%, вторым — 31,6%, третьим — 16,9% от общего числа приехавших [3, с. 938].

Как отмечает Ю.М. Плюсин, социальная структура ЗАТО складывалась фактически одновременно: различные исходные части будущего местного общества однажды когда-то были сведены вместе, сошлись на определенной территории, перемешались и создали новую общину. Такое сообщество, испытывавшее массивное, но ненасильственное внедрение «чужих», отличалось лабильностью [9, с. 88].

Такого рода восприимчивость местного сообщества к внедрению «чужих» отчасти объяснялась отсутствием страха перед ними, поскольку на предприятия атомной отрасли отбирали наиболее квалифицированные, дисциплинированные и политически благонадежные ка-

дры. К проживанию и работе на территории закрытых городов не допускались судимые, бывшие в годы Великой Отечественной войны в плену и на оккупированных территориях, проживавшие и имевшие родственников за границей, в пограничных районах и прибалтийских республиках [11, с. 50]. С новоприбывшими (по крайней мере в первые десятилетия) у местных жителей существовало так называемое «родство душ» — символическое единство по общности социального положения, культурных предпочтений. Н.В. Мельникова отмечает, что в первые десятилетия с момента возникновения в закрытые горда в основном приезжали молодые люди, относившиеся к возрастной категории от 18 до 39 лет, не имевшие семьи, русские, по социальному происхождению принадлежащие к категориям рабочих, крестьян или служащих, получившие среднее профессиональное или высшее образование [11, с. 50–51]. Такая схожесть создавала благоприятные условия для формирования высокой степени солидарности городского сообщества.

В то же время, как замечают исследователи, из-за высокого социального статуса закрытого города его жители проникались чувством собственной значимости, избранности. Это стимулировало формирование корпоративных черт, порождало ощущение исключительности, «несколько высокомерное отношение к близлежащим населенным пунктам» [6, с. 20] и людям, там проживавшим («чужим»).

Однако статус «чужого» не всегда имел человек, изначально противопоставленный «своим». «Чужим» мог стать выведенный сообществом из своего состава, соответственно лишенный права проживания на территории закрытого города. Чаще всего такой сценарий реализовывался среди людей, преступивших закон и осужденных. Гражданам, вынужденным покинуть ЗАТО в связи с лишением свободы, по отбытии наказания структуры службы безопасности могли запретить вернуться в родной город ввиду защиты государственной тайны от лиц с судимостью.

Всего за пару десятилетий с момента возникновения атомградов привлечение на их территории новых больших масс людей прекращалось, социальная структура стабилизировалась и становилась более однородной, а дальнейшее развитие происходило по большей части за счет местных или окрестных людских ресурсов. Примечателен в этом отношении следующий факт: если первоначально кадры для градообразующих предприятий набирались в ведущих вузах страны, то со временем произошло увеличение количества специалистов, получивших образование на территории ЗАТО (как правило, это были выпускники местных филиалов Московского инженерно-физического института). В 1970-е гг. доля

¹ В работе приведены современные названия закрытых городов и предприятий.

выпускников местных учреждений профессионального образования составляла почти 46% поступавших на работу, в 1980-е гг. — 57%, в 1990-е гг. — почти 90% [14, с. 25–26]. Следовательно, признавая приехавших молодых специалистов «укоренившимися» и в дальнейшем с высокой степенью вероятности переведенными местным обществом в разряд «своих», позволительным представляется повысить общую долю всех «местных» в 1990-е гг.

Активные трансформации российской действительности в 1990-х гг. грозили разрушением устоявшихся в советское время структур стабильной социальной организации атомградов. Падение уровня доходов и качества жизни значительной части населения ЗАТО в 1990-е гг. привело к снижению привлекательности атомных городов прежде всего для молодежи, нередко вынужденной искать новые модели жизнеобеспечения. Наличие такой тенденции подтверждается данными опроса общественного мнения, проведенного в Снежинске в 1992 г. сектором социологических исследований Всероссийского научно-исследовательского института технической физики (ВНИИТФ) среди работников различных структурных подразделений предприятия: в среде молодежи количество респондентов, настроенных уехать из города, составило 71%, в то время как среди старшего поколения лишь 12% [1, с. 2]. В Снежинске обозначенная выше тенденция сохранилась на протяжении всего изучаемого периода. Городские власти признавали, что основной отток населения происходил в возрастной группе 20–30 лет и в этой категории миграционное сальдо было отрицательным, что создавало определенные кадровые проблемы [8, л. 29; 12, с. 4].

В связи с широкомасштабными политическими и экономическими изменениями, произошедшими в стране с начала 1990-х гг., на повестке дня встал вопрос о дальнейшем существовании и развитии ЗАТО. Людями, живущими за пределами закрытых городов, статус этих населенных пунктов воспринимался как пережиток

советских времен, а их открытие — как шаг в сторону демократизации. Однако у большинства жителей ЗАТО подобные инициативы вызвали непонимание, поскольку закрытость создавала своеобразное ощущение защищенности в столь сложные времена. Возможность открытия ЗАТО пугала тем, что «это приведет к потере своего особого положения, к снижению материального достатка, к повышению преступности и ухудшению коммунальных условий» [15].

Распад СССР стал причиной утраты ощущения принадлежности к такой общности, как «советский народ». Закрытость атомградов позволила в качестве константы самоопределения сохранить понятие «родной город», столь четко сформированное в сознании местных жителей в советское время. Значимость данного факта определяется тем, что «стремление сохранить привычный ход вещей — кредо массового человека в кризисное время» [2, с. 81]. Следовательно, в 1990-е гг. можно отметить сохранение идентификации населения уральских атомных ЗАТО по территориально-поселенческому признаку. Четко прослеживается наличие и другого критерия идентификации — схожести ценностных ориентаций. В частности, сходство взглядов жителей Озерска по различным вопросам, стиля жизни, культурных стереотипов показывает большинство опросов общественного мнения [7].

В рассматриваемый период население закрытых атомных городов Урала, несмотря на болезненные либерально-капиталистические преобразования постперестроечного периода и усилившийся отток населения, было представлено в подавляющем большинстве «своими людьми», взаимно поддерживавшими и разделявшими взгляды друг друга. Из-за режимных ограничений «чужие» на территории ЗАТО, как и в советское время, составляли крайне небольшие, отчетливо сегрегированные группы. Такая четкость статуса «чужих» явственно отражала однородность и слабую дифференцированность общности жителей атомградов, а как следствие — высокую степень солидарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возможна ли утечка умов? // Наша газета. — 1992. — 21 сентября. — № 38 (103). — С. 2.
2. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.
3. Дронишинец Н. П., Зиновьев Г. С. Подготовка кадров и создание системы образования в атомных закрытых городах России // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 933–942.
4. Климова С. Г. Ломка социальных идентичностей или «Мы» и «Они» вчера и сегодня // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 106–121.
5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Изгой и изгойничество как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Ученые записки ТГУ. 1982. Вып. 576. С. 124–138.
6. Мельникова Н. В. Менталитет населения закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: [б. и.], 2001. 25 с.
7. МАОГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74. 245 л.
8. ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2991а.

9. Плюснин Ю. М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22. № 3. С. 60–93.
10. Радина Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: ДЕКОМ. 2015. 344 с.
11. Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 367 с.
12. Стратегия социально-экономического развития Снежинска до 2020 года. Проект. Снежинск: [б. и.], 2008. 16 с.
13. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб: Владимир Даль, 2002. 452 с.
14. Тихонов В. Ракетно-ядерный комплекс России: мобильность кадров и безопасность. М.: Московский институт Карнеги, 2000. 96 с.
15. Шатова С. В. Влияние особенностей менталитета подростков закрытых городов на развитие этнической толерантности [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2017/11/24606> (дата обращения: 03.11.2019).
16. Radina N. K., Koskina M. V. Internal colonization and the phenomenon of Moscow-phobia in Russian province regions // Sociologija i Prostor. 2017. Т. 55. № 3 (209). С. 271–296.

© Константинова Альфия Гумаровна (alfijasharafullina@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Екатеринбург